

**СПЕЦНАЗ
ВДВ**

Сергей ЗВЕРЕВ

**ТЕРРОРИСТ
В ПОГОНАХ**

Сергей Иванович Зверев

Террорист в погонах

Серия «Спецназ ВДВ»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4987620

Зверев С. И. Террорист в погонах: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-62288-7

Аннотация

В Киргизии произошло чрезвычайное происшествие: была похищена машина с российским оружием. Сопровождающие груз прапорщик Починков и майор Воскобойников бесследно исчезли. Вскоре после этого был сбит транспортный самолет ВВС США, и тут же на одном из арабских телеканалов показали видеоролик, в котором Воскобойников берет ответственность за теракт на себя. Военная ситуация кажется абсурдной: не мог дисциплинированный офицер, законопослушный гражданин и прилежный семьянин вдруг ни с того ни с сего превратиться в террориста. Принято решение найти и допросить майора. Проведение операции поручают легендарному Батяне, и он со своими бойцами срочно вылетает в Бишкек...

Содержание

1	4
2	11
3	20
4	40
5	52
6	63
7	68
8	74
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Сергей Зверев

Террорист в погонах

1

Военный микроавтобус «УАЗ-452», в народе прозванный «буханка», прорезая узкими лучами фар сумрак вечера, катил, подскакивая на ухабах, по каменистой дороге. Небо нависало мрачное, словно чем-то недовольное, и без единой звездочки...

В лобовое стекло мелким градом сыпанул песок.

– Ветер с гор. Встречный, – сказал прапорщик Починков, сидевший за рулем.

Ему было немного за тридцать, хотя загорелое лицо, морщины на лбу и вокруг глаз создавали впечатление, что прапорщику уже далеко за сорок. Эффект южного солнца и ветра.

Починков переключился на пониженную передачу. Шестерни заскрежетали.

– Сейчас все топливо сожрет, – проворчал он.

Двигатель натужно загудел.

– Да, Алексеич, тут не сэкономишь, – согласился майор Воскобойников – хмурый, с седыми бровями и усами, крупного телосложения, он сидел, не опираясь на спинку сиде-

нья, справа от водителя, и напряженно всматривался в даль. Спросил: – До дома-то хватит?

– Должно хватить, Васильич. Хотя впереди еще будет кишлак – там чайхана круглосуточная, постоянный двор, магазин, заправка, душевая – все удобства. Для американцев построили. Если что, сможем заправиться.

– При Союзе тут вообще ничего не было, голытьба одна, – майор Воскобойников привычным движением достал из кармана кителя пачку «Беломорканала», выбил папиросу, подкурил и сквозь зубы проговорил: – А как эти америкосы нагрянули, так для них уже и то, и это понастроили. Того и гляди, баб навезут и публичный дом откроют.

– Доллар – и в пустыне доллар, – ухмыльнулся прапорщик Починков.

– Хозяева мира, черт подери. Сунулись уже даже в места, где наши казаки когда-то гуляли, – майор с шумом выдохнул табачный дым.

Дорога бежала сквозь заросшее саксаульником сухое плато к чернеющим на горизонте горам. Они принадлежали горной стране, что отделяла республики Средней Азии от Китая. На одной из вершин стояла часть ПВО Российской армии. Командиром батареи там являлся майор Дмитрий Васильевич Воскобойников.

– А у нас по-прежнему все в обрез, – сетовал майор. – Ни горячего, ни запчастей, ни личного состава.

– Да, в общем, ни людей, ни гвоздей. И не говори, Васи-

льич, – поддержал командира прапорщик Починков. – Они-то на джипах гоняют по пустыне, как туристы, а мы из двух с половиной «бобиков» эту «буханку» собрали и на колеса поставили. Иначе вообще не на чем было бы все это добро везти.

Майор обернулся, окинул хозяйским оком зеленые ящики, которыми почти под завязку был заставлен салон.

– Придется бойцов переучивать.

– Да чего там переучивать, «Игла-С» – почти такая же, как и «Игла-1», – с оптимизмом произнес прапорщик Починков, – только летит дальше и бьет прицельнее...

– Этим можно целую диверсионную группу вооружить, – майор Воскобойников глубоко затыкнулся и тревожно глянул на обочину дороги, где мелькали сухие кусты, – а ведь охраны у нас никакой.

– Так некого в караул ставить. Еще трое бойцов и старлей-москвич, которому мы и везем эту штуковину, уже неделю из санчасти не вылезают.

– А это известный факт, Алексеич, пока к здешней воде и еде желудки не привыкнут – будешь жить в уборной. Это что там слева?

– Да просто саксаул здоровенный, Васильич, – прапорщик Починков поспешил успокоить командира. – Эта дорога безопасная. Сам же знаешь, американский аэродром отсюда недалеко.

– Да черт бы побрал эти цветные революции! Одни менты

других выкинули из насиженных кабинетов. А новые могут теперь запросто и по пустыне шастать, с «калашами» напелес.

– Значит, по этой причине нам москвича послали и этот аппарат? – поинтересовался прапорщик Починков.

– Да, и по этой тоже. Беспилотник сверху нам все покажет. Вооружения у него хватит небольшой отряд уничтожить. Новая штука. Хвалят – говорят, отличная. Как в ПВО говорится, – майор хлопнул ладонью по петлице с перекрещенными пушками, – мы сами не летаем и другим не даем. А теперь и у нас крылья появились.

– И «квартиранты» из НАТО его за орла могут принять. Можно спокойно за ними понаблюдать.

– За какого орла... Современные отражательные характеристики таких машин должны быть эквивалентны – от крупного насекомого до мелкой птицы, от шмеля до воробья.

– Тоже мне, наука, – обиженным тоном проговорил прапорщик Починков, – шмели и воробьи над горами не летают.

– Нашу птицу над горами еще засечь надо... Ладно, об этом мы говорить не будем, – пресек дискуссию майор Воскобойников, – если прикажут – так и за «квартирантами» понаблюдаем.

Тем временем ветер усиливался, в воздух поднялись тучи песка. Видавшему виду «уазику» становилось все трудней продвигаться вперед. Видимость теперь была всего метров двадцать пять, не больше. Скорость упала до черепашьей...

– Вот чувствую я, Васильич, придется нам с тобой в кишлаке остановиться, – вздохнул прапорщик Починков.

Горизонт уже полностью исчез во мраке, а по лобовому стеклу все чаще и чаще били крупные песчинки.

– Еще немного – и может песчаная буря разыграться.

– Что-то неохота в этой дыре останавливаться, – недовольно проговорил майор Воскобойников, – у меня жена в положении – будет волноваться...

– Так что же, лучше прорываться сквозь песок? Мне кажется, наоборот, позвонишь ей, успокоишь – так, мол, и так, ночуешь в местной гостинице. Форс-мажор, как говорится. И главное, ты не один, а с прапорщиком Починковым. Она ведь меня знает и доверяет – соседи... Чего ей волноваться? Сам подумай.

– Вот потому и неохота, что надо звонить, потом еще долго объяснять, а значит, обнаруживать себя. Да и знаю я этот местный комфорт. Рассмешил. Бардак сплошной! А в бардаке всякой хрени...

Песок волнами осыпал лобовое стекло «уазика», и прапорщик Починков машинально включил дворники:

– Не волнуйся ты, Васильич, в такую погоду никто и носа из своих щелей не покажет... Говорю тебе – все будет нормально. Еще и в чайхану сходим. Расслабимся. Стоп, – он громко причмокнул губами, – мы же спирт получили. А кто в этих местах знает, что мы везем? Тем более боеприпасы под медпрепараты и бытовые причиндалы замаскированы.

– Да что ты мне рассказываешь. Разных тут хватает любопытных, да и нечистых на руку.

– Там стоянка на постоялом дворе охраняется, все чинно, – постарался уверить своего старшего товарища прапорщик Починков.

Вдалеке, уже в крошечной темноте, замигали красные огоньки. Это был аэродром на территории американской военной базы. Хотя в тот момент русские офицеры своими глазами и не видели, однако отлично знали, что на этом аэродроме находилось несколько транспортных самолетов ВВС США «Локхид С-130 Геркулес», звено истребителей F-22 «Раптор» – для охраны неба над базой и несколько вертолетов разных марок для хозяйственных нужд. Это был транзитно-перевалочный аэродром для поддержки личного состава войск НАТО в Афганистане.

Метров через десять перед «уазиком» показалась боковая дорога – узкая заасфальтированная шоссейка, которая вела к красным огням.

– Ну так что, Васильич, сворачиваем к кишлаку? Он в пяти километрах от америкосовской «колючки». Честно скажу, при всем желании – к утру домой мы не доедем.

– Ладно, поворачивай, – майору Воскобойникову ничего не оставалось, как согласиться.

По асфальту «буханка» покатила уже веселее. Несколько раз фары выхватывали из темноты силуэты находившихся вдали металлических ангаров за колючей проволокой, разок

мелькнул раздираемый ветром американский флаг, блокпост и караульная вышка – вокруг базы шнырял мощный луч прожектора. Дорога шла вдоль крученной «колючки» и близко к ограждению не подходила. Майор Воскобойников задумчивым и неприветливым взглядом провожал эти недавно выросшие, чужие строения.

Когда силуэты военной базы остались позади, асфальтовая дорога закончилась, и вскоре показался тот самый кишлак, где должна быть круглосуточная чайхана, которую так расхваливал прапорщик Починков. Светились вывесками постоялый двор, а ближе к окраине – заправочная станция.

– Все будет нормалек! – прапорщик Починков веселым голосом повторил свою фразу, явно уже предвкушая предстоящее «расслабление».

– Да хватит меня уговаривать, – резко одернул его майор Воскобойников. – Короче так, перекусываем, выпьем только по чуть-чуть. Чисто чтобы снять утомление.

– Так точно, товарищ майор.

Через двое суток к тому же кишлаку примчался тюнинг-овый, с железной обтекаемой крышей «УАЗ-469» – «бобик» военной автоинспекции Российской армии. Теперь погода выдалась ясная, день клонился к вечеру. Хотя на дворе уже и был май месяц, температура воздуха к ночи резко менялась – становилось прохладно, как и должно быть в континентальном климате. Но к счастью, в тот день было сухо и безветренно. Поэтому добираться в эти края вайшникам было намного легче, чем в свое время майору Воскобойникову и прапорщику Починкову.

«Уазик» резко затормозил перед постоянным двором с чайханой, из него выскочил стройный подтянутый капитан и быстрым шагом направился в помещение. Минут через десять с ничего не выражающим лицом он вышел из чайханы и уселся в автомобиль на место пассажира. «Уазик» помчался к автозаправке. Там автомобиль с белой аббревиатурой «ВАИ» громко взвизгнул тормозами...

Капитан выскочил из «уазика» и спешно прошел к кассе: – Здравствуйте, капитан Пархомин, – представился офицер сидящему за кассовым аппаратом скуластому, узкоглазому мужчине в полосатом черно-желтом халате. – Вам случайно не попадался на глаза микроавтобус Российской армии – «УАЗ-452»?

На это мужчина, на голове у которого, несмотря на то что он находился в помещении, была надета высокая шапка-киргизка, совершенно невозмутимо ответил:

– Нет.

– А вчера или, может быть, позавчера?

– Вчера я не видел «уазик». А позавчера не мог видеть. На автостанции тогда дежурил мой брат, – с характерным среднеазиатским акцентом по-русски объяснил мужчина.

– Извините, а где мне можно найти вашего брата? – поторопился спросить капитан Пархомин.

– Он сейчас должен быть дома. Это в двух домах отсюда, за угол и направо, – кассир высунулся из своего стеклянного киоска и показал рукой.

– А как зовут вашего брата?

– Орунбасар. Курбанов.

– Значит, я точно смогу застать его дома? – переспросил Пархомин.

– Думаю, да, – протяжно проговорил кассир, поправив на голове киргизку. – Он у нас домосед. Очень любит посмотреть телевизор. От спортивного канала его вообще не оттащить.

Через пять минут капитан Пархомин уже заходил в глинобитную саклю, окруженную сухим кустарником. Где-то в глубине блеяли овцы.

Пархомина встретила еще довольно молодая женщина в национальном платье и цветным платком на голове – жена

Орунбасара.

– Проходите, пожалуйста, – приветливо проговорила она. – Муж смотрит снукер. Сам ничего в нем не понимает, а все смотрит и смотрит, как катаются шарики, – женщина говорила на хорошем русском языке.

Она провела офицера в гостиную, а сама направилась на другую половину дома, где, по-видимому, располагалась кухня.

– Вы Орунбасар Курбанов? – спросил капитан Пархомин.

– Да, это я, – ответил Орунбасар по-русски и с любопытством посмотрел на пришедшего.

– Меня к вам направил ваш брат. Извините, что отвлекаю, но могу я задать вам пару вопросов?

– Пожалуйста. Шайыркул! – крикнул Орунбасар своей жене. – У нас гость...

– Нет, я очень тороплюсь, спасибо, – громко чтобы Шайыркул услышала, сказал капитан Пархомин.

Он хорошо был знаком с местным обычаем гостеприимства и пресек попытку усадить его за стол и сразу же перешел к делу:

– Во время вашего дежурства на автозаправочной станции, вы не помните, заправлялся микроавтобус «УАЗ-452» с российскими офицерами?

Орунбасар задумался, оторвав взгляд от зеленого поля бильярдного стола на экране большого плоского телевизора:

– Нет. Что-то я не помню.

– Так вы не помните? Или все-таки – нет, неправлялся? – спросил капитан, подняв глаза на хозяина дома.

– Точно, нет.

– А может быть, вы слышали какой-то шум? Возможно, этот автомобиль проезжал мимо заправки? – продолжал Пархомин. – Или кто-то что-то говорил?

– Нет. Уже несколько суток я никаких русских тут не видел. Они обычно ездят другой дорогой.

Капитан Пархомин знал, о какой дороге говорил Орунбасар. По ней уже днем проехали его коллеги из ВАИ, но никаких следов Воскобойникова и Починкова им обнаружить не удалось.

О пропаже своих двух офицеров из части ПВО начальству сообщили только через сутки – только после того, как вышло примерное время их прибытия. До этого чтобы не выносить сор из избы, пэвэошники попробовали найти своих товарищей по службе собственными силами и средствами. Мало ли что могло с ними случиться – поломка в дороге или, может быть, офицеры решили, как иногда это бывало, «зависнуть» в чайхане, чтобы отдохнуть от долгого и нудного переезда. Дежурный автомобиль «ГАЗ-66» уже всю рыскал в окрестностях части и ближайших населенных пунктах, пожирая дефицитное горючее. Однако результатов пока не было никаких. В данном случае дело отягощалось еще и тем, что в «буханке» было оружие, да еще и секретный летательный аппарат, поэтому долго замалчивать произошедшее бы-

ло просто невозможно.

Уже из машины капитан Пархомин сообщал о результатах своей поездки:

– Никто ничего не видел, никто ничего не слышал. Судя по всему, их тут не было. Не могли же их, в конце концов, пригласить к себе американцы. Может быть, нам стоит сообщить «квартирантам»? Все равно местные им все о нас расскажут.

– Сообщать американцам – это не в нашей компетенции, – услышал Пархомин в рации низкий голос своего непосредственного начальника. – Но ты там аккуратно, не вызывая подозрения, покружи возле базы. Вдруг что-нибудь и бросится в глаза.

– Это как же мне, не вызывая подозрений, покружить вокруг военной базы? – Пархомин едва сдерживал негодование.

– Как можешь, капитан. Переночуйте в кишлаке, а завтра с утра, ну вроде сбились с пути, покатайтесь по пустыне. Только не нарывайтесь на неприятности... Что, мне тебя учить?

– Есть, товарищ полковник, – с явной неохотой проговорил Пархомин.

– Вот и лады.

Говоривший отключил рацию.

– Мы остаемся тут на ночь, – сообщил капитан Пархомин своему напарнику – лейтенанту Марошкину, который сидел

на месте водителя.

Этого молодого розовощекого офицера совсем недавно перевели в эти края с «большой земли», и пока что ему все здесь, в Средней Азии, было в диковинку.

– Остаемся так остаемся, – бодро ответил лейтенант, он привычным жестом повернул ключ в замке зажигания и завел двигатель. – На постоянный двор?

– А куда же еще, – махнул рукой капитан Пархомин. – Я устал как собака. Да и стемнело уже – следов точно не отыщем.

– Да, темнеет здесь мгновенно. Никак не могу к этому привыкнуть.

– Побудешь здесь еще с месяцок – привыкнешь, – сказал Пархомин. – Все привыкают, и ты привыкнешь. Человек, как говорится, ко всему приспосабливается.

Постояльный двор напоминал современный мотель – комната с отдельным входом, прямо с автостоянки. Вот только антураж – квадратная плоская крыша, обмазанные глиной стены, да еще стойла для выючных животных – большие для коней, меньшие для ишаков или ослов – придавал этому мотелю среднеазиатский колорит. После подорожания топлива местные жители постепенно вернулись к традиционным средствам передвижения, поэтому гужевой транспорт на дороге в двадцать первом веке снова стал частью местного пейзажа.

А вот чайхана, находившаяся рядом с мотелем, была явно

стародавней. Дома для чаепития с такой архитектурой можно было встретить на дорогах Средней Азии еще во времена царствования Николая Первого.

Вывеска сообщала проезжающим, что это заведение – круглосуточное. В лучах уличных фонарей чайхана представлялась квадратным строением с выбеленными стенами, украшенными замысловатым орнаментом из пересекающихся коричневых ромбов. Покрывала чайхану плоская крыша из добротных сосновых досок, переходившая в навес...

В жаркие дни в тени этого навеса можно было посидеть на топчанах и попить зеленый чай или другие прохладительные напитки.

Внутри чайхана была увешана пестрыми коврами, в полном соответствии с традициями этой местности. В просторном зале стояли деревянные лавочки с подушками, на которых – по желанию клиента – можно сидеть, а можно и возлегать, принимая пищу.

Оставив свой автомобиль на стоянке, капитан Пархомин и лейтенант Марошкин отправились в чайхану. Они изрядно проголодались за сутки переездов и заказали себе плов и водку, а под конец вечера, вместо десерта, выкурили по кальяну. Девушка с черными миндалевидными глазами в шароварах небесного цвета и белой, богато расшитой бисером блузке принесла русским офицерам по кальяну «Ночь нежна». Отличительная особенность этого кальяна состояла в том, что вместо воды дым фильтровался водкой, а табак ис-

пользовался с ароматом винограда и сливы. Несмотря на то что мусульманские традиции категорически отрицают алкогольные напитки, в этом кишлаке строгих традиций придерживались не всегда.

– Прошу прощения, – сказал капитан Пархомин, расплачиваясь, – а можно узнать, как вас зовут?

– Меня? Асылбубу.

– Как? Асылбубу? – от удивления поднял брови лейтенант Марошкин. – Так интересно и очень красиво. Асылбубу. Это, наверное, что-то означает?

– Это означает – «прекрасная и благородная», – скромно ответила девушка в небесных шароварах.

– А я капитан Владислав Пархомин.

– А я – Марошкин А. А. То есть Анатолий Анатольевич, – улыбнулся лейтенант.

– Интересно, а что означают ваши имена? – не растерялась девушка.

Однако офицеры не смогли или не имели желания объяснить это девушке. Вдвоем они, как и подобает русским офицерам при знакомстве с дамой, встали и, стараясь не шататься от навалившейся усталости и выпитого спиртного, вытянулись в струнку.

Лейтенант Марошкин попытался было взять девушку за руку, но едва он легонько коснулся ее ладони, как девушка гневно посмотрела на него и отпрянула.

– Ой, извините. Я... Мы просто хотели узнать, – поспе-

шил вмешаться более опытный капитан Пархомин, – может быть, вы слышали что-нибудь о двух российских офицерах? Один такой высокий, русский, голубоглазый. А второй постарше, хмурый, седой, с усами...

– Я не очень хорошо понимаю по-русски, – сказала Асылбубу.

– Может, вы видели их машину – автобусик, похожий на сельскую «Скорую помощь», – продолжал расспросы капитан Пархомин.

– Нет, – очень коротко ответила Асылбубу, забрала деньги и, легко ступая, вышла из зала.

– Она явно что-то знает, – прошептал лейтенант Марошкин, – я уверен.

– Точно, – подтвердил капитан Пархомин, – поэтому такая реакция.

Капитан Пархомин и лейтенант Марошкин благополучно, немного пошатываясь, добрались до своего номера и, не раздеваясь, рухнули каждый на свою кровать.

Утром следующего дня лейтенант Марошкин был в чайхане. С опухшим лицом и красными глазами, в одной рубашке без галстука он подошел к Асылбубу.

– Скажите, пожалуйста, прекрасная и благородная госпожа, что вы вчера нам подсыпали в кальян? Мой друг до сих пор не может встать с кровати.

– Ничего, – официантка отступила ближе к столику, за которым двое американских офицеров попивали ароматный восточный чай, она словно ожидала от них защиты.

Лейтенант Марошкин видел на автостоянке серый с зелеными разводами «Хаммер» и понял, что здесь американцы. Однако отступать не стал – он пришел в чайхану, чтобы повидать Асылбубу.

– Я принесла вам, как вы и заказывали, кальян «Ночь нежна». Табак «Слива» и «Виноград» в водке, – немного запинаясь, заученно произносила девушка.

– Все в порядке, не волнуйтесь вы так, – успокаивающе сказал лейтенант Марошкин и улыбнулся.

Его лицо сразу же стало не таким «помятым».

– Видите ли, я получил приказ от моего прямого начальника – найти уют. А в мотеле никого нет – ни души. Может, у вас имеется такой бытовой прибор? Уют.

– Уют? – замялась Асылбубу. – Я не понимаю. Я плохо

понимаю по-русски. Может, вы знаете, как это по-английски?

«Черт, – подумал капитан Марошкин, – уже и в этой пустыне без английского никуда...»

– Айрон, – сказал он, внезапно вспомнив, как будет утюг по-английски.

Услышав известное им слово, американцы обернулись. Улыбаясь, они взяли со стола вилку и нож и повторили:

– Айрон.

– Ноу. Не вилка и нож, догадливые вы мои, не столовые приборы, хотя и это тоже – знаю, знаю. Я говорю айрон-утюг, – капитан Марошкин показал руками, как что-то невидимое гладит в воздухе. – У-тюг...

Наконец Асылбубу поняла, удивленно спросила:

– А что, вы сами будете гладить? – с удивлением спросила она. – Это должна делать женщина. Подождите минутку. Я сейчас позову тетушку Жубаныш. Она все сделает.

– Жубаныш? А это как переводится? – поинтересовался лейтенант.

– Ну, это «утешение», – улыбнулась Асылбубу.

– Нет, тетушку Жубаныш нам не надо. Русские офицеры смогут и сами себе погладить форму.

Асылбубу посмотрела на молодого лейтенанта одновременно и с интересом, и с восхищением, и с некоторым смятением...

– Настоящий мужчина должен уметь справляться с любой

работой, даже женской, – Марошкин словно прочел в глазах официантки этот вопрос.

– Хорошо, как вам будет угодно, – сказала Асылбубу, теперь у нее остались только восхищение и уважение к русскому офицеру, – пойдемте со мной.

Она провела лейтенанта Марошкина в подсобное помещение, достала из небольшого шкафчика уют.

– Я сейчас верну, – заверил молодой человек, – не беспокойтесь.

– Не надо, оставьте в номере. Тетушка Жубаныш заберет, когда будет убираться в вашем номере.

– Скажите, а вы на самом деле позавчера не видели двух русских офицеров? – спросил лейтенант Марошкин. – И совсем ничего не слышали?

– Я – нет, – опустила глаза Асылбубу.

– А кто слышал?

– Мой дедушка.

– Ваш дедушка?

– Да. На слух он может различить, какая машина проехала по улицам кишлака. Мой дедушка уже два года не встает с постели. И все время у меня спрашивает, кто проезжал – американцы, русские, наши. А я ему рассказывала.

– И что говорит ваш дедушка? Что он слышал?

– Он говорит, что даже через шум ветра слышал машину. Не такую, как у американцев. Сказал, что такая машина бывает у русских.

– Благодарю, Асылбубу. Ты нам очень помогла. Ты даже не представляешь как! – От радости Марошкину хотелось расцеловать девушку, но, вспомнив здешние строгие нравы, поостерегся...

Удивительные глаза официантки тоже светились. Лейтенант Марошкин бодро подхватил утюг и направился в свой номер.

Капитан Пархомин, густо намылив лицо до самых глаз, брился возле рукомоynика, перевернутого ведерка с металлической болванкой внутри. Когда подбиваешь болванку ладонью, открывается отверстие, и вода стекает в ладонь.

Одноразовым станком «Жилетт» с четырьмя лезвиями капитан Пархомин старательно снимал растительность на щеке.

– Вот нашел в бардачке – тупой, как башка самого тупого барана, и еще лезвия забиваются. И воду они, скажу я тебе, здесь экономят всюю.

– Этому станку, наверное, уже года два. Я все выкинуть забываю, – признался лейтенант Марошкин.

– После меня давай и ты побрейся. Не бойся. Одеколоном продезинфицируешь – ничего не будет, – учил молодого напарника капитан Пархомин.

– Зачем, товарищ капитан?

– Если в плен к американцам попадем, хоть не стыдно будет. Морда гладкая и форма выглаженная, все как положено у военных. Только вот жалко, что сорочки старые. Вдруг еще

караульные подстрелят, – мрачно пошутил Пархомин. – На тот свет в грязном идти как-то не очень. У тебя случайно в машине запасных нет?

– Нет, к сожалению...

– Черт с тобой, Марошкин. Гладь свою форму первый. Честь мундира все-таки блюсти нужно.

Лейтенант стянул с себя китель, сорочку, штаны и остался в одних трусах и майке.

– Хорошо, что хоть электричество есть.

– Да, электричество – это цивилизация, – согласился капитан Пархомин.

– А этот комбат с прапорщиком тут все-таки были, – сказал лейтенант Марошкин, – я разузнал.

– У кого?

– У нашей прекрасной и благородной...

– Асылбубу.

– С чего это она тебе вдруг решила рассказать? – с хитрецей посмотрел на лейтенанта Пархомин, ожидая услышать интересные подробности.

– Подходы и подкаты, товарищ капитан, надо знать, – широко улыбнулся лейтенант Марошкин. – Ее дедушка слышал мотор «уазика».

– Нам надо срочно с ним поговорить. Одевайся! –скомандовал Пархомин.

– Не стоит, он больной человек. Да и вряд ли нам еще что-то ценное расскажет.

– Если он может различать звук моторов, значит, и еще многое может услышать.

– Думаю, его прекрасная внучка Асылбубу будет против, – не соглашался лейтенант.

– А мы не будем ей сообщать, сами найдем ее дедушку и поговорим.

– Жалко.

– Чего тебе жалко? – недоумевая, спросил Пархомин.

– Что лишний раз не встречусь с такой симпатичной аборигенкой, – засмеялся Марошкин. – А если встречусь, то могу нарваться на ее кулачки.

– Ну ты жук, – подмигнул Марошкину капитан Пархомин. – Служба прежде всего!

Чистые, причесанные, в безукоризненно выглаженной форме, российские офицеры подошли к стойке администратора мотеля. По дороге они встретили тех самых американцев, которые завтракали в чайхане. Те оценивающим взглядом обвели военнотружущих бывшего «условного противника» и зачем-то поправили свои головные уборы.

– Ишь, все что-то вынюхивают, мало им, – чуть слышно прокомментировал капитан Пархомин, глядя на удаляющихся американцев.

За стойкой администратора сидела женщина средних лет и слушала радио на местном языке. У женщины, как и у Асылбубу, были бездонно-черные глаза, черные брови...

– Здравствуйте, – улыбаясь, произнесла она на русском с

едва заметным акцентом.

– Извините, вы та самая тетушка Жубаныш? – спросил лейтенант Марошкин, протягивая ключи от номера.

– Да, это я, – приветливо ответила администратор и обаятельно улыбнулась, видимо, от того что ее назвали тетушкой.

Капитан Пархомин с удивлением посмотрел на своего младшего коллегу.

– У Асылбубу есть замечательный дедушка, она нам о нем рассказывала, – продолжал лейтенант Марошкин. – Правда, Асылбубу говорит, что дедушка немного прихворал...

– Да. Его зовут Тынчтыкбек Телабалдиев.

– Тынчтынч, – попробовал повторить лейтенант Марошкин и замялся.

– Тынч-тык-бек, – с пониманием повторила тетушка Жубаныш. – Тынчтык – по-нашему значит «мир». Он всегда был очень спокойный, добрый, мирный человек, – мягко говорила Жубаныш.

– Кх-кх, – крикнул капитан Пархомин и официальным тоном продолжил: – Мы бы хотели от имени нашего командования, как это говорится, нанести ему визит... Почтенный человек...

– Да-да, – засуетилась Жубаныш. – Он ветеран войны, а его уже несколько лет даже с Победой никто из начальников не поздравлял. Он служил в разведке и даже был ранен, потерял зрение. К счастью, потом, через пару лет, оно восстановилось. Я вас проведу, все равно сейчас никого из посто-

яльцев нет.

– Вот мы, хоть и с опозданием, хотели бы поздравить его с Великим Праздником Победы, – спохватился капитан Пархомин. – Мы на машине...

– Можно пешком. Это совсем недалеко, – застеснялась тетушка Жубаныш.

– Нет, прошу вас, – настойчиво пригласил капитан Пархомин.

«Уазик» остановился возле глинобитной сакли. Российские офицеры и тетушка Жубаныш прошли через квадратный небольших размеров внутренний дворик вовнутрь дома. Стены здесь, как и в чайхане, были увешены коврами. В помещениях было очень чисто и довольно пестро для непривыкшего глаза. Навстречу гостям вышли три пожилые женщины – как оказалось, двое из них были сестрами дедушки Тынчтыкбека, а третья – его женой.

– Заходите, пожалуйста, – приветливо пригласили женщины.

Капитана Пархомина и лейтенанта провели в комнату, где на низкой деревянной кровати лежал сухонький, очень старенький человек. Его глаза был полузакрыты...

– Здравствуйте, – бодро поприветствовал героя войны капитан Пархомин и представился. То же самое сделал и лейтенант Марошкин.

– Дорогой и уважаемый Тынч-тык-бек, – аккуратно, по слогам, боясь ошибиться начал Пархомин. – От имени ко-

мандования Российской армии мы поздравляем вас с Днем Победы, – четко, по-военному проговорил капитан Пархомин и пожал старику его слабую руку.

– И вручаем вам, – продолжил лейтенант Марошкин, – Георгиевскую ленту и вот этот плеер с радио и наушниками.

– Что это? – спросил дедушка Тынчтыкбек.

– Музыкальная рация с записью, – объяснил Марошкин.

Он аккуратно нацепил хозяину дома наушники и включил плеер.

Старик Тынчтыкбек услышал музыку и закрыл глаза.

– Откуда это у тебя? – прошептал капитан Пархомин.

– Лента с праздника осталась, а плеер только купил...

Люблю слушать музыку. Ничего, куплю себе новый...

– А что у тебя там записано? – скептически скривился капитан Пархомин.

– Ну, Цой, «Алиса», «Ария», «АС/ДС», «Металлика», Мерлин Менсон. Из легкого – «Мумий Тролль».

– Думаешь, деду это понравится?

– Да это не хуже их дрын-дрын домбры. Не понравится – пускай радио слушает. А любимую музыку ему внучка запишет.

– Молодец, Марошкин, хвалю за находчивость. Выпишем тебе благодарственную грамоту, – пообещал капитан Пархомин.

– Лучше бы материальное вознаграждение на приобретение нового МРЗ-плеера.

– Разговоры... – строго сказал капитан Пархомин.

Отказаться от бешбармака российские офицеры, даже если бы и хотели, не могли – ведь хозяин обидится.

За обедом дедушка Тынчтыкбек рассказывал про то, как смело он брал «языка» на передовой во время Великой Отечественной.

– Я его мог одними руками взять – за шею, кадык придавишь – и он уже твой. Но лучше издалека, как барана. Чего меня брали в разведку – я же аркан бросал метко. Лучше всех наших. Набросишь издалека, тихо, невидно, и туго затянешь. Фриц ногами дрыгнет – и все. Посинеет. Потом уже у нас – отойдет и все, что надо, нашим расскажет. А фашисты-то гергеркают, как овечки, – тихо засмеялся старик Тынчтыкбек.

– Сейчас будет антканчай, – сообщила тетушка Жубаныш.

– Что будет? – переспросил лейтенант Марошкин, который не переставал удивляться местным названиям и восточному колориту. – Ант-кан-чай? А что это значит?

– Извините, но нам уже пора, – твердо сказал капитан Пархомин. – У нас задание. Огромное спасибо...

Капитан прекрасно знал, что антканчай – это зеленый чай с молоком, солью, маслом и сметаной и пьют его из пиалы медленно, степенно и долго-долго. К тому же это очень жирно и печень «белого» человека с таким кушаньем может просто-напросто не справиться. Хотя тем, кто отправляется в горы, кому предстоит тяжелый перевал, – такой напиток бу-

дет в самый раз. Эдакий энергетический залп по всему организму!

– Ну, тогда выпьете бал, – невозмутимым тоном сказала тетушка Жубаныш.

– А это что такое? – опять спросил лейтенант Марошкин.

– Сладкий медовый напиток, – объяснила тетушка Жубаныш и пошла к остальным женщинам.

– Уважаемый Тынчтыкбек, – начал капитан Пархомин, – позавчера здесь, в кишлаке, был российский «уазик»...

– «УАЗ-452», – тихим голосом уточнил старик.

– Да. Вы правы, – воодушевился капитан.

– Часы пробили одиннадцать. Потом прошло минут десять. С гор дул ветер и поднял много песка.

– Точно, а когда этот автомобиль покинул кишлак? – спросил лейтенант Марошкин.

– Через десять минут я услышал, как хлопали двери, была какая-то возня. После этого «УАЗ-452» завелся, точно помню, развернулся. А ветер тогда стал еще сильнее. Начал выть «воа-воа», – старик симитировал вой ветра. – Очень плохо стало тем, кто был не дома.

– А куда? В какую сторону этот автомобиль поехал? – Капитан Пархомин напряг слух, потому что старик с каждым словом говорил все тише и тише.

– Туда, – шепотом произнес дедушка Тынчтыкбек и показал рукой в ковер на стенке. – На северо-восток. В ту сторону звук мотора удалялся.

– Может, вы слышали какие-то слова? Английские, русские, киргизские, казахские, узбекские, таджикские? – вмешался в разговор лейтенант Марошкин.

Старик едва заметно покачал головой.

– Скажите, а американцы в этот вечер посещали чайхану? Или кишлак? Может, заправлялись на бензоколонке? – спросил капитан Пархомин.

– Да, заезжали. Они были на трех машинах, они так тихо урчат. Но назад, на аэродром, вернулось только две, – ветеран уже шептал так тихо, что Пархомин и Марошкин едва могли разобрать его слова.

– Спасибо, уважаемый Тынчтыкбек, – искренне поблагодарил старика-аксакала лейтенант Марошкин.

Вдруг за спинами военнослужащих Российской армии мелькнула тень. Пархомин и Марошкин одновременно резко обернулись.

– Что здесь происходит? – В комнату дедушки Тынчтыкбека быстрым шагом вошла Асылбубу. По лицу было видно, что она ошеломлена и рассержена.

Девушка пробежала между русскими офицерами, склонилась над кроватью дедушки и отрывисто произнесла несколько слов на своем языке – явно интересовалась, как тот себя чувствует. Старик еле слышно ответил. Было заметно, что Тынчтыкбек уже сильно утомлен. Он закрыл глаза, мускулы его щек ослабли.

– Ему надо спать, – глаза Асылбубу горели от гнева. – За-

чем вы сюда пришли? Зря я вам вообще что-то говорила, – на ее смуглых скулах выступил вишневый румянец.

Лейтенант Марошкни был просто очарован и не отрываясь смотрел на нее.

– Уходим, – капитан Пархомин, дернул его за рукав.

– Извини! – успел бросить ей молодой офицер, прежде чем выйти из дедушкиной комнаты. – До встречи!

* * *

«Уазик» ВАИ Российской армии выехал за кишлак и свернул прямо в пустыню. Лейтенант Марошкин выбирал путь, где саксаульник был пониже или где между кустами вообще выступал песчаный грунт.

– На северо-восток, это значит не к горам, и не назад, по трассе, – вслух рассуждал капитан Пархомин, – получается, параллельно ограждениям базы. Внимательно смотри «под ноги» – может, заметишь какие следы.

– После той бури вряд ли мы что-то увидим, – скептически протянул лейтенант Марошкин.

– Почему же – вон тот куст сломан и тот, – показал рукой капитан.

– Ветром сломало. Наш аксакал ведь говорил, что был очень сильный ветер. Вот и поломало пару кустов. Это не след.

– Притормози, я сказал! Смотри, сломано слишком сим-

метрично. Явно переехали колесами.

– Да, дед оказался прав, – лейтенант Марошкин не мог не согласиться – слишком было очевидно, что здесь недавно проехал автомобиль. – Точно – ехали в ту сторону.

– Он же ослеп, поэтому слух и стал таким острым. Нам вообще, можно сказать, повезло, что мы с ним сумели поговорить. Поезжай прямо. Смотри внимательно.

Капитан Пархомин достал из кармана рацию:

– Товарищ полковник? Да, Пархомин. Мы получили кое-какие сведения от местных. Тыкчик... Черт. От одного деда. Никак не могу выговорить его имя. Вроде Телобаев. Он был во время войны разведчиком. Короче, известный в кишлаке аксакал. Найдем, если надо. Да, ушел в пустыню. Да, скорей всего, «квартиранты». Веду поиск. Есть, товарищ полковник!

Капитан Пархомин отключил рацию.

– Думаешь, это игры америкосов? – спросил лейтенант Марошкин.

– Понимаешь, нам открыто не говорят. Но у этих пэвэошников явно было что-то секретное и явно предназначалось против натовцев. Те что-то пронюхали. Может, купили информацию у... – при этом капитан Пархомин грязно выругался, – а может, их кибервойска постарались или доморощенные хакеры. Короче, этих умников из ПВО они вели. А возле своей базы и подловили. Вернее, те сами нарвались.

– И что? – Марошкин пока не мог понять, куда клонит

Пархомин.

– Да ничего. У «квартирантов», по-видимому, где-то на северо-востоке есть еще один въезд на базу – так сказать, «черный ход». Они этих «пэвэохов», как наш дед «языков» во время войны, взяли, и «уазик» к себе загнали. Двух суток на изучение всего, что у них там было, я думаю, и ты, наверное, со мной согласишься, предостаточно.

– Ты хочешь сказать, что американцы грохнули наших? – Лейтенант Марошкин от злости сильно сжал пальцами банку.

– Да не грохнут они наших. Успокойся. Кишка у них тонка. Вот увидишь, найдем мы этих пэвэошников. Будут лежать в своей «буханке», как опарыши в консервной банке, только без сознания. А очнутся – будут мямлить, мол, сбились в бурю с дороги. Оказались в пустыне. На валун наехали, перевернулись, грохнулись тупыми своими башками о лобовое стекло – и ничего не помнят. Еще, может, и пьяные были. На пустынных дорогах наших постов уже нет – в прошлом веке уже все снимали. А когда увидят нас пропавшие товарищи из ПВО – сразу же заканючат: пить! Дайте воды, еды, туалетной бумаги – спасите-помогите. Мы такие бедные, а все – несчастный случай и ветер с песком. Вот увидишь. Попомни мое слово.

– И что эти двое вообще ничего не будут помнить?

Капитан хмуро улыбнулся:

– И даже у них на руках не будет следов от шприца. Ну,

возможно, в крови найдется какие-нибудь следы от химических препаратов, похожих на настойку из местных трав. Но ведь ничего не докажешь, может, они по дороге воды из здешнего арыка выпили.

– А оружие и документы? – спросил лейтенант Марошкин, выворачивая руль, чтобы объехать торчащий из земли обломок скалы.

– Оружие и документы, говоришь? Все будет лежать, словно никто и не трогал, ну рассыпалось при аварии – что тут такого?

– Если бы меня америкосы так подставили, – кипятился молодой лейтенант, – я бы все сделал, чтобы отомстить. Бляха, взорвал бы эту базу к чертовой матери!

– Такие брат дела. Одно жалко, что фото и инструкции ко всему тому, что этим двум доверила страна, уже там, – капитан Пархомин показал большим пальцем в сторону видневшейся с левой стороны колючей проволоки – первой ограды американской военной базы.

Лейтенант Марошкин глянул туда, куда показывал капитан. За колючей проволокой можно было различить взлетную полосу, а на ней красовался внушительных размеров транспортный самолет.

– Двигатели работают, – отметил молодой офицер.

– Ну-ну, весьма оперативно. Уже везут документы воссозда-
яси.

– Вряд ли. Плановый полет, – засомневался лейтенант Ма-

рошкин.

– Я в случайные совпадения, мой юный друг, давно уже не верю, – со вздохом проговорил капитан Пархомин.

Со стороны американского аэродрома слышался натужный гул.

– Зачем им этого гиганта просто так гнать? Столько горючего сжигать. Не просто ли истребитель послать, если уж по сетям или через спутник информацию передавать не хотят.

Капитан Пархомин посмотрел на своего напарника, мол, «не будь ты таким наивным».

– Этот самолет считается одним из надежнейших транспортных. Даже если вывести из строя один из его двигателей, он все равно спокойно продолжит полет. Такие выпускают с середины 50-х. И модификаций «Геркулесов», не знаю, наверно, уже за сотню перевалило. Однажды американцы додумались из него сделать самолет разведки. Полетели над Арменией – посмотреть, что у нас там в горах делается. Конечно, наши истребители в два счета грохнули этот бомбовоз.

– Огромный, – лейтенант Марошкин, завернув голову, осматривал американский транспортник. – Ему ж охрана нужна.

– Из истребителей здесь в основном «Рапторы». Машины пятого поколения. И минута их полета стоит дороже, чем минута этого крылатого вагона. Уж поверь мне.

Лейтенант Марошкин внимательно слушал капитана Пар-

хомина и постепенно начинал понимать, что его напарник, видать, совсем не простой капитан ВАИ, и неплохо было бы держать с ним язык за зубами.

Американский военно-транспортный самолет «Локхид С-130 Геркулес», серого цвета с белыми разводами, начал разгон. С самого начала он двигался тяжело, грузно, а затем принялся набирать скорость, равномерно ускоряясь.

Картина завораживала. Тем более что самолет шел прямо на «уазик» ВАИ Российской армии.

– Ну-ка посмотрим? – впечатлился лейтенант.

Капитан Пархомин молча согласился. Марошкин остановил машину и даже выключил мотор, чтобы звук двигателя не мешал ему ощущать, как все вокруг дрожит от мощи огромного самолета. Четыре внушительных винта вгрызались в пространство перед собой и тянули многотонную машину вперед. Пейзаж за самолетом, словно пустынный мираж, дрожал – в воздухе плавали, как будто плавились на глазах: взлетная полоса, металлический ангар, вышка наблюдения и другие самолеты.

И вот оторвалась от бетонной полосы передняя пара черных колес под кабиной пилотов, а потом и два ряда колес, под брюхом.

Транспортный самолет «Локхид Геркулес», словно крылатый кит, поднял нос и начал величественно набирать высоту. Он подобрал под себя шасси. Еще пару минут – и самолет пролетит над головой у российских офицеров, демон-

стрируя им свое объемное брюхо.

Рев нарастал все больше и больше, оглушая российских военных. Крылатая махина резко увеличивалась в размерах. Капитан Пархомин и лейтенант Марошкин отчетливо видели окна кабины, что блестели на солнце.

И вдруг в воздухе, прямо перед носом самолета, промелькнула черная игла с тонким дымным следом-ниткой, и на обшивку крылатого монстра легла узкая тень. В ту же секунду шар огня охватил кабину пилотов. Во все стороны голубого неба «брызнули» черные осколки стекла, металла и пластмассы. Через мгновение вторая такая же «игла» прошила фюзеляж чуть ближе к хвосту, ворвалась в глубь металлического тела и уже внутри взорвалась. Из борта вырвался оранжевый сноп огня. Прямо на глазах у Марошкина и Пархомина огромный самолет моментально потерял управление, нырнул носом вниз и стремительно пошел навстречу серо-зеленой земле.

– Вперед! – в исступлении крикнул капитан Пархомин.

Лейтенант Марошкин в ужасе резко повернул ключ. Заскрежетал стартер. «Уазик» прыгнул вперед, чихнул и заглох.

Вначале размашистая тень накрыла собой несчастный игрушечный, по сравнению с самолетом, автомобиль, а затем в тюнинговый корпус детища российского автопрома ударила звуковая волна, через долю секунды – взрывная, еще через мгновение его накрыл огненный шквал.

«Геркулес» глубоко зарылся в грунт пустыни, его остов, объятый пламенем, плавился, горячее огненными струями выливалось на саксаульник, растения мгновенно обугливались, превращались в пепел...

Лейтенант Марошкин на секунду увидел перед собой прекрасные глаза девушки-официантки Асылбубу, их бездонная чернота притягивала, и вдруг эта глубокая чернота заполнила весь мир и вселенную. Казалось, что вся она была объята непроглядным густым дымом и гарью.

Взрыв был настолько мощный, что в ближайшем от места падения самолета кишлаке выбило все окна и потрескались стены строений. Одновременно заплакали младенцы, запричитали женщины, заревели выючные животные, залаяли собаки, вздыбили шерсть коты.

Новость о крушении военно-транспортного самолета «Локхид С-130 Геркулес» американских ВВС в Средней Азии быстро облетела мировые СМИ. Все, кто находился на борту самолета, – погибли. А в частности, экипаж – два человека, взвод 82-й американской воздушно-десантной дивизии – два отделения по пятнадцать человек и один военный инженер.

По первым новостным сообщениям точный механизм катастрофы был совершенно непонятен. Озвучивались туманные намеки о взрыве на борту лайнера. Но по каким именно причинам произошел этот взрыв – не уточнялось: или неисправность, или теракт – бомба на борту.

Затем начали поступать предположения от независимых экспертов, которые уверяли, что самолет находился в отличном техническом состоянии и, очевидно, был сбит с земли. Однако созданная американскими военными комиссия по расследованию авиакатастрофы от комментариев долго отказывалась, хотя «черные ящики» были найдены спасательной группой в первый же день, сразу через несколько часов после падения самолета. От помощи русских эмчээсников и вообще чьей-либо помощи американцы наотрез отказались. Понятно, катастрофа произошла вблизи от американской военной базы.

Политические обозреватели подметили напряженность, которая возникла между МИДом США и МИДом России в связи с катастрофой. Правда, вначале это пытались списывать на то, что американцы раздражены, ведь именно в регионе, где за безопасность воздушных перевозок несет ответственность Россия, был потерян американский самолет. Поражало большое число жертв.

Мировую прессу облетело интервью матери американского десантника, которая, не скрывая своих слез и душевной боли, прямо заявила, что в гибели ее сына виноваты панибратские отношения США и России, неосторожность и недальновидность американского командования, которое уж очень доверилось русскому медведю.

Российские дипломаты тем временем предпочитали отмалчиваться. Президент Российской Федерации, в свою очередь, принес соболезнования семьям погибших, но от комментариев отказался.

– Работает комиссия, думаю, она и ответит на все вопросы.

Однако вскоре произошла утечка информации.

На скандальном сайте «Викиликс» были опубликованы перехваченные разговоры между двумя высокопоставленными российскими военными. Из разговоров можно было заключить, что после крушения самолета без вести пропали четыре офицера Российской армии, а также две автомашины, в одной из которых находилось внушительное количе-

ство оружия, а также неизвестная широкой общественности разработка ПВО российского военпрома.

Таким образом, посредством мировых информационных агентств складывалась следующая картина: американские военные провели успешную разведывательную операцию против Российской армии, а российские военные, в свою очередь, им ответили.

В США и странах-союзниках обвиняли Россию, а в России и СНГ – США. Тем более что высокопоставленные военные хоть прямо и не обвиняли США в пропаже российских офицеров, но косвенно давали понять, что военнослужащих последний раз видели недалеко от территории американской военной базы. Правда, какое у них было вооружение и какое задание – не распространялись.

Ушлые тележурналисты выпустили репортажи и даже успели состряпать небольшой фильм с места событий, в котором показывали кишлак с разбитыми окнами и трещинами в саклях, брали интервью у работника местной автозаправочной станции, у девушки-официантки местной чайханы и у женщины-администратора мотеля. Все они подтвердили тот факт, что накануне авиакатастрофы на постоялом дворе ночевали два российских офицера и что в то же самое время кишлак посещали американские военные. А ветеран Великой Отечественной войны, бывший разведчик, которого показали в кадре совершенно немощным стариком, лежащим на кровати в своей комнате, по словам журналистов,

якобы утверждал, что за два дня до этих событий еще два офицера Российской армии хотели остановиться на местном постоялом дворе, но потом куда-то бесследно исчезли.

– Неужели мы снова стоим на пороге новой холодной войны, – задавался вопросом журналист в конце фильма, – когда по неизвестным причинам пропадали военные, ученые, исчезали или уходили на дно подводные лодки, военные сбивали шпионские и гражданские самолеты? И как всегда в такой ситуации, мы не можем ответить на ключевой вопрос: «А кто виноват?» и второй извечный вопрос: «Что делать?» Пока предстает только одно: «Что делается!»

В сложившейся ситуации американские официальные лица предпочли воздействовать на военных и, в частности, на комиссию по расследованию авиакатастрофы, чтобы та, как можно скорее огласила предварительное заключение.

Ведущие телеканалы мира транслировали пресс-конференцию в прямом эфире.

– Комиссия склоняется к следующим выводам: транспортный самолет военно-воздушных сил США «Локхид С-130 Геркулес», будучи полностью в технически исправном состоянии, успешно выполнил разбег по взлетно-посадочной полосе и, оторвавшись от бетонной поверхности, которая также находилась в пригодном состоянии, начал набирать высоту. При этом погода была благоприятная для полетов воздушных судов. Однако через три минуты двадцать пять секунд полета самолет резко потерял управление и рух-

нул на грунт. Это произошло вследствие двух взрывов в носовой части машины. На основании расшифровки бортовых самописцев, осмотра места крушения и анализа обломков самолета комиссия пришла к следующим, пока еще предварительным выводам: транспортный самолет Военно-воздушных сил США «Локхид С-130 Геркулес», выполнявший плановый полет по заданию американского командования, был сбит – как минимум – двумя ракетами российского производства переносного зенитно-ракетного комплекса «Игла-С». Остатки двух ракет были идентифицированы среди обломков самолета.

Докладчик – полковник ВВС США Ричард Уолтермайер – после этих слов со знанием дела выдержал паузу, поднял глаза, чтобы оценить реакцию зала, битком набитого журналистами всех мастей. Несколько секунд продержалась тишина, потом словно по чьей-то команде по рядам пошла волна удивления, возмущения и негодования.

– Прошу тишины, – проговорил в микрофон полковник, в его голосе угадывалось удовлетворение от реакции зала на произнесенные им слова. – Недалеко от места авиакатастрофы нашими военными был обнаружен российский автомобиль с двумя российскими офицерами. К сожалению, один из них к моменту прибытия спасателей был уже смертельно ранен и погиб на месте – это капитан Владислав Поликарпович Пархомин, – американец тщательно, буква за буквой выговаривал сложное для его произношения русское имя. –

Тело русского офицера будет выдано родственникам в ближайшие дни. В случае непричастности этого человека к инциденту американское командование выплатит родственникам погибшего компенсацию. Второму российскому офицеру – это лейтенант Анатолий Анатольевич Мирошкин – каким-то чудом удалось выжить, однако на данный момент он находится в коме. Его состояние – стабильно тяжелое. Надеюсь, российские военные специалисты понимают, что офицер ввиду состояния его здоровья нетранспортабелен и пока будет находиться в медицинском отделении нашей военной базы. Со своей стороны мы обещаем, что лучшие военные медики армии США побеспокоятся о скором выздоровлении русского офицера. Тем более, и мы это не скрываем, что у наших военных специалистов найдется к нему несколько вопросов, как только он будет в состоянии на них ответить, конечно.

Как только полковник Уолтермайер завершил свое выступление, из зала посыпались вопросы:

– Вы не считаете, что приказ сбить самолет США исходил из Кремля?

– Может, американские военные провоцировали российских?

– Что вам известно о пропавших русских офицерах?

– Я, – невозмутимо произнес полковник Уолтермайер, – уполномочен озвучить предварительные выводы комиссии по расследованию авиакатастрофы, а не чьи бы то ни было

предположения. Насчет якобы силой удерживаемых на нашей базе двух других офицеров Российской армии мне совершенно ничего не известно и я попрошу дать слово для комментария полковнику Винсенту Андерсену, начальнику пресс-службы данной военной базы.

– Мы обязаны прямо заявить, – полковник Андерсен начал свою речь прямолинейно с неподдельным раздражением в голосе, – что на территории военных американских баз не было и нет никаких военнослужащих Российской армии, кроме вышеназванного лейтенанта Анатолия Анатольевича Марошкина.

Во время его слов в центре конференц-зала началось непонятное движение: несколько человек столпились возле смуглого журналиста, по внешнему виду похожего на представителя арабской страны. На коленях у этого журналиста светился включенный ноутбук – шел экстренный выпуск телеканала «Аль-Джазира».

Оператор, снимавший пресс-конференцию, с камерой подбежал к арабскому журналисту, взял в кадр экран его ноутбука. Трансляция сразу же пошла в прямой эфир и вспыхнула на большом экране за спиной докладчиков, сидевших за столом с блестящими, словно черные кобры, микрофонами.

Фактически никто уже не слушал полковника Андерсена, потому что новая сенсационная новость перекрывала его заявление. Он и сам вскоре это понял, обернулся и внимательно

но посмотрел на экран.

На фоне высоких гор и далеких заснеженных вершин стоял майор Воскобойников. Вид у него был крайне суровый: камуфляжная форма, на плече – автомат Калашникова, торс перепоясан пулеметными лентами, как у полевого командира каких-нибудь боевиков. Однако майор Воскобойников был тщательно выбрит, подтянут и грозен. Рядом с ним на железном флагштоке развевался на ветру российский стяг больших размеров.

– Самолет американских военно-воздушных сил... – чеканил слова майор Воскобойников, при этом его ровно постриженные седые усы почти не шевелились.

Он говорил без лишней артикуляции, без лишних эмоций – чтобы не отвлечь воображаемого зрителя от смысла своих слов.

– ...был уничтожен по моему приказу. Я – командир Среднеазиатской группы противодействия мировому американскому империализму. Щупальца этого ненасытного спрута уже достигли границ русских земель, грязные подошвы американских псов уже всюю топчут могилы наших дедов и прадедов – отважных казаков, первопроходцев азиатских горных хребтов и пустынь, сибирских лесов и бескрайних тундр! «Большому Сатане» мало поработать малые народы и малые страны, он решил замахнуться на великий русский народ. Ему необходимо, чтобы мы, русские, привыкли к его присутствию рядом с нами и чтобы в любой момент внезап-

но нанести удар, расчленив нашу великую Родину. Ни в каком случае сейчас нельзя верить этим звездно-полосатым воякам, нельзя потакать им и тем более нельзя спокойно за всем этим наблюдать и не противодействовать! Потому что все, что сейчас они творят в Афганистане, Ираке, – это всего-навсего предлог, чтобы подобраться поближе к нам. Нашупать нашу слабинку! Мы, настоящие патриоты нашей страны, солдаты «Русской Патриотической Армии», объявляем о начале активного сопротивления американскому империализму и его пособникам! Уничтожение транспортного самолета – это лишь сигнал к началу широкомасштабного сопротивления! И первостепенной нашей задачей будет – не дать заокеанским бандитам летать через воздушное пространство России и нашу Среднюю Азию!

Майор Воскобойников исчез, и на экране осталась заставка канала «Аль-Джазира». Все произошедшее можно было сравнить разве что со взрывом информационной бомбы. Момент заявления-угрозы был выбран чрезвычайно точно.

Буквально через минуту после этой трансляции ролик с русским майором, грозящим США от имени некоей тайной организации – «Русской Патриотической Армии», которая вызрела в недрах Российских вооруженных сил, – был размещен на «ютубе». И уже к вечеру того же дня он бил все рекорды по количеству просмотров. Эксперты сходились во мнении, что ролик настоящий, это не монтаж – отсутствуют характерные «швы». Тем более что майора Воскобойни-

кова не только узнали многие его сослуживцы, но и сумели об этом проболтаться в социальных сетях. Многие журналисты – отечественных и зарубежных изданий – подхватили эту щекотливую тему и разнесли по весям и мегаполисам мира.

Некоторые аналитики, отвечая на вопрос: «Возможно ли, чтобы в современных Российских вооруженных силах действовала некая «Русская Патриотическая Армия (РПА)» или подобные ей тайные организации?» – открыто заявляли:

– Да, это вполне возможно. Такое уже случалось в истории Российского государства. Ведь некогда вызрело в недрах русской армии восстание декабристов.

В Кремле, естественно, случившееся никоим образом не комментировали. Понятно, что давать комментарии на заявления сумасшедшего никто не будет. Однако в прессу все же просочилась информация о том, что в вооруженных силах началась проверка личного состава, особенно среди офицеров среднего звена, на предмет принадлежности военнослужащих к малым политическим партиям, патриотическим организациям и подобного рода клубам по интересам. Даже взялись за любителей охоты и рыболовства. А это говорило о том, что полностью проигнорировать то, что произошло, высшему военному командованию не удалось.

Довольно серьезно отнеслись к этим «безумным» заявлениям неуправляемого майора Российской армии в Белом доме и Пентагоне. Была усилена охрана аэродромов, посольств,

особенно в Азии. Теперь, как и несколько десятков лет назад, согласно тайным инструкциям к внушающим недоверие были причислены и российские граждане, находящиеся поблизости американских военных объектов.

Некоторые сенаторы США отреагировали на происшедшие события довольно нервозно и в резкой форме потребовали у России гарантий соблюдения международных договоренностей. В частности, обеспечения безопасности воздушных коридоров для гражданских и военных самолетов.

Международные аналитики уже заговорили об очередном охлаждении отношений между США и Россией. Крайние правые и крайние левые поспешили заявить, что вторая холодная война уже началась.

Вся эта шумиха не смогла не повлиять на бизнес. Некоторые частные финансовые проекты были временно приостановлены. И если бы вдруг произошел еще один подобный инцидент, то поток инвестиций грозил бы существенно пересохнуть или вообще приостановиться.

* * *

Полковник Дерюгин уже входил в подъезд своего дома, когда у него зазвонил мобильный телефон. На экране высветились цифры. Полковник узнал служебный телефон генерал-майора Гаврилова из ГРУ и быстро прокашлялся, чтобы голос не подвел, и нажал кнопку ответа:

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор!

– Да, Дерюгин, давненько я тебя не слышал. А ты сегодня телевизор смотрел?

– Никак нет. Служба.

– Ну, тогда посмотри «ютуб». Тебе на электронную почту от меня ссылочку пришлю.

– Слушаюсь, товарищ генерал-майор.

– В общем, если этот псих, или тот, кто у него за спиной, еще что-нибудь у американцев взорвет, то нам на это, конечно, – лично тебе и мне, – может быть и наплевать, а вот нашим толстосумам от этого одни убытки, потому что толстосумы из-за океана не захотят выкладывать свои денежки здесь, у нас. Посмотришь – все сам поймешь. И, слышишь? – готовь Лаврова. Мне нужно с тем психованным майором лично поговорить. Все инструкции пришлю с фельдъегерем. Понятно?

– Так точно, товарищ генерал-майор, – быстро проговорил полковник Дерюгин, и в трубке послышались короткие гудки.

День выдался безветренный и ясный. На небе – ни облачка. Майское солнце щедро одаривало теплыми лучами сочную траву на полях, насыщало энергией молодую листву на деревьях и кустарниках, отражалось на лобовых стеклах машин, зеркалах заднего вида, бамперах и на железных табличках надмогильных памятников.

На кладбище стояла тишина, казалось, что даже птицы умолкли.

Возле свежей могилы с деревянным крестом, повязанным траурной черной лентой, стояли двое мужчин в темных костюмах. По выправке можно было догадаться, что они военные.

– Ну, здоров, Михаил, – сдержанно сказал один из них.

На кресте была приколата фотография молодого улыбающегося старлея-десантника. А снизу была надпись: «Михаил Ларионович Пескарев».

– Привет, Мишка, – мужчина в штатском достал из «дипломата» бутылку водки и три рюмки. Одну поставил на могилу.

– Держи, Василий, – отдал вторую своему товарищу.

– Батяня, я ж за рулем.

– Только пригубишь. Сорок дней. Помянем по обычаю.

Майор Лавров налил водки в рюмку, стоявшую на могиле,

затем плеснул Василию.

– Давай. Земля пухом тебе, Мишка, – проговорил Батяня и залпом выпил.

Василий, как и обещал, только намочил водкой губы.

– У парня не было ни жены, ни детей. Девушка имелась, но видишь, не успели они даже навстречаться.

– Да и родителей похоронил. Отца давно, а вот мать года за два перед тем заданием.

– Если б не он, Василий, – то, возможно, лежать бы мне в этой земле, – сказал Батяня.

Налили еще по одной.

– Надо три, не чокаясь.

– Да, ВДВ были ему родным домом.

Внезапно за спиной Батяни раздался рев моторов. На небольшую горку к помпезной могиле с внушительным по размерам памятником – мраморный бюст серьезного на вид мужчины – подъехали четыре джипа: «Ниссан Патроль», два «Форда Экспедишн» и один «Субару Трайбека». Остановились все возле широкого стола, вокруг которого были вкопаны четыре деревянные скамейки.

Из машин высыпали цыгане, некоторые из них были в светлых костюмах со шляпами на головах. Цыганки, бренча золотыми цепями и монистами, быстро накрыли на стол, водрузив на него две литровые бутылки виски, тарелки с мясом и фруктами, при этом они громко переговаривались на своем языке.

– Как нашу «Калину», так не пропустили, а этой колонне небось охрана сама ворота открывала, – заметил Василий.

– Да ладно тебе. Миша, за тебя. Мы тебя помним и никогда не забудем, – сказал Лавров и, не обращая внимания на суету за спиной, осушил свою рюмку.

– Надо приличный памятник и ограду поставить, – Василий пригубил рюмку и осмотрел могилу. – Место хорошее, сухое.

Цыгане, как полагается, уже выпили, и пожилая женщина в пестром платье громко запричитала на своем языке.

– Тихо, – сказал седовласый цыган. – Эй, мужики, – крикнул он Батяне и Василию, – идите сюда. Помянете вместе с нами.

– Нет, спасибо, – ответил Василий, – я не пью. Я за рулем. Батяня тоже молча отказался.

– Вы что, не хотите помянуть нашего барона? – заговорил низкорослый неприятным голосом.

Он и еще два молодых парня направились к десанникам.

– Вас просит уважаемый Афанасий Иванович. Знаете, кто такой Афанасий Иванович? – спросил тот же низкорослый, – во рту у него блеснул золотой зуб.

– А вы знаете, что будет, если он на вас обидится? – сказал другой, смуглый, на голову выше Батяни.

Цыгане говорили громко и грубо – они явно приехали на кладбище уже изрядно выпившие и теперь сами от своей крутизны «заводились».

– Чуваки, слушай сюда, – продолжил низкорослый, – надо уважать всех покойных. А не только своих. Мы сейчас выпьем с вами за Ивана Дмитриевича Шанталло, который все тут разруливал... Короче, был здесь бароном, а потом уж, – цыган глянул на фотоснимок на кресте и криво усмехнулся, – за вашего салагу.

И тут низкорослый цыган с темным, словно чумазым лицом, захрипел – железная рука майора Лаврова вцепилась ему прямо в горло.

– Запомни, ты, клоун, тут чувачков для тебя нет, и нехорошо называть боевого десантника салагой.

Батяня резко развернул недоростка, нагнул и дал мощный пинок под зад. Цыган отлетел на три метра и зарылся лицом в землю. Зеленые полосы от молодой травы пошли по лацканам его блестящего бежевого пиджака.

Двое других цыган тут же выхватили из кожаных чехлов, что висели у них на ремнях, ножи, блеснули лезвия.

– Вот это вы зря, вот это вы погорячились, – проговорил Василий и одним ударом ноги выбил нож у стоявшего к нему ближе всех чубатого цыгана, сделал резкий выпад вперед и быстрым ударом в солнечное сплетение сбил тому дыхание.

Второго – долговязого – взял на себя Батяня. Когда тот замахнулся, Лавров быстро поднырнул под его руку и резко вывернул ее. Цыган громко закричал, разжал пальцы с золотыми печатками – нож выпал и воткнулся прямо в грунт. Батяня ловко подбил цыгану колени, заставив того рухнуть

на землю...

С криками и воплями на десантников бросились еще шестеро самых крепких цыган из тех, что приехали на кладбище.

– Спина к спине! – крикнул Батяня и тут же его могучий кулак встретил челюсть первого, самого смелого из нападавших. Громадный мужик, бежавший следом в прыжке, ножницами попытался достать Василия, но десантник успел быстро среагировать и отпрянул, а затем догнал того ребром ладони по шее сзади.

Десантники ловко уклонялись от ударов нападающих и тут же сами «заряжали» встречные – то двоечку, то троечку. На светлые костюмы цыган брызнула кровь, что сочилась из рассеченных губ, скул, бровей «детей дорог». Но настырные «ромэлы» не отступали, плотным кольцом они окружили десантников и уже не нападали, а просто стояли, сжав кулаки, переводя дух, ожидая команды, чтобы одновременно ринуться на Батяню и Василия.

Седой цыган, тот самый Афанасий Иванович, который наблюдал за дракой со стороны, выкрикнул несколько отрывистых слов. Однако цыгане не стали нападать. А только, тяжело дыша, еще плотнее стали плечом к плечу.

Затем Афанасий Иванович достал из нагрудного кармана пиджака мобильник и кому-то позвонил.

– Не к добру это, – сказал Василий.

– Они хотят нас попридержать, – догадался Батяня, –

быстро! Уходим!

Ударами ног десантники пробили брешь в кольце цыган и, стараясь не подставлять им спины, полубоком, попятились к кладбищенскому забору, туда, где оставили свой автомобиль.

– Вася, пошел! Заводи, подберешь меня! – крикнул Батяня.

Василий лихо перемахнул через забор, а Батяня, чтобы подоспевший было низкорослый цыган не схватил за ногу его товарища, ударил того своим огромным кулаком в верхнюю челюсть. Цыган схватился руками за лицо, заревел, а затем выплюнул в ладонь вместе с кровавой слюной свой золотой зуб.

– Ах ты, падла! – заревел цыган. – Убью!

Батяне пришлось вторым ударом заткнуть ему пасть, но увидев, что цыгане кто с колом, кто с ножом, кто со стеклянной бутылкой бегут на него, развернулся и рванул вперед. Майор Лавров как всегда был в отличной спортивной форме, и теперь это позволило ему довольно быстро и легко оторваться от преследователей метров на пятнадцать, затем он в два счета перемахнул через забор. За ним по проселочной дороге уже ехала «Лада Калина». Василий притормозил, открыл дверь, и Батяня ловко запрыгнул в машину.

– Газуй!

– А ты – пристегнись, – напомнил Василий своему напарнику.

– Да ну, в поселке пристегнусь. Кто ж меня в поле оштрафует!

– Смотри! Менты!

– Это ты накаркал, – проворчал Василий.

Он набросил через плечо ремень и защелкнул.

– Кажись, это за нами, – сказал Батяня.

– Точно, Афанасий Иванович покликал...

За «Ладой Калиной» десантников на проселочную дорогу вырулил автомобиль ДПС с включенными сиреной и мигалкой. Из динамика послышались грозные слова:

– Водитель автомобиля «Лада Калина», немедленно остановитесь!

– Жми, Вася! Жми! – крикнул Батяня.

Василий придавил педаль газа до пола – взревел мотор. Из-под колес «Лады Калины» посыпалась щебенка. Машина десантников завиляла по ухабистой дороге, она вполне успешно уходила от преследования.

Впереди был поворот на асфальтированное шоссе и знак «Уступи дорогу». Василий проигнорировал правила дорожного движения и выскочил на шоссе прямо перед носом у «КамАЗа»-бетономешалки.

– Твою мать! – Водитель грузовика вжался в педаль тормоза, вывернул руль, и бетономешалка выехала на обочину, подняв в воздух тучи пыли.

Тем самым «КамАЗ» на время преградил путь машине ДПС. А «Лада Калина» уже мчалась к поселку.

– Смотри! – крикнул Батяня.

Прямо через поле, словно это было ралли по пересеченной местности, наперерез «Ладе Калине» шли четыре цыганских джипа. Они набирали скорость, обгоняя друг друга по замысловатой дуге, при этом им нужно было еще объехать трактор «Беларусь», который в это время разбрасывал по полю удобрения. Из открытых окон автомобилей цыгане грозили десантникам кулаками, палками, бутылками.

– Ненормальные! Они же так сами поубиваются! – прокомментировал увиденное Батяня.

– Дикий народ! – согласился Василий. – Пускай бы еще на лошадях ездили!

Дэпээсник тоже заметили мчащиеся по полю джипы.

– Внимание! Прекратить погоню! – заревел голос депээсника в громкоговорителе. – Афанасий Иванович, остановите своих. Мы сами справимся. Они от нас не уйдут.

Первым остановился красный «Ниссан Патроль», затем – два серебристых «Форда Эскпедишн». Однако никак не мог уняться водитель внедорожника «Субару Трайбека» оранжевого цвета. Скорей всего, в нем сидел низкорослый цыган, который в кармане пиджака держал завернутый в носовой платок золотой зуб.

– Афанасий Иванович, – вновь повторил патрульный, – остуди же своих бешеных.

Наконец «Субару Трайбека» сбавил скорость, джип резко занесло, и ему в лобовое стекло брызнуло удобрением.

– Не расслабляйся! – крикнул Батяня.

У выезда в поселок десантников поджидала еще одна машина ДПС. Водитель попытался перегородить дорогу десанникам и начал выезжать на середину дороги с правой стороны перекрестка.

– Ну что, Батяня, – едем навстречу заре коммунизма! То есть на встречу! – проговорил Василий, выкручивая баранку.

«Лада Калина» пересекла встречную полосу и по левой обочине, увернувшись от лобового столкновения с маршруткой, проскочила в поселок.

– Ну ты, блин, и даешь, – вырвалось у Батяни.

– А я ведь предупреждал, пристегнись!

Машины ДПС благодаря этому маневру хорошо отстали, но все еще были в поле видимости.

– Давай их попутаем. А как только оторвемся, рви к нашим, – скомандовал Батяня.

– Лады, – согласился Василий.

Батяня, словно заправский штурман, вел навигацию для Василия по дорогам поселка.

– Впереди остановка автобуса. Уходи со встречной! Метров тридцать, поворот направо. Там срежем. Осторожно, велосипедист! Молодец велосипедист, успел съехать на обочину! Теперь вперед!

Хладнокровие Батяни передалось Василию. «Лада Калина», уверенно петляя между другими автомобилями, стре-

нительно ускользала от патрульных. Сирены на машинах ДПС визжали на всю катушку и немислимым эхом отражались от стен домов и заборов, пугали голубей и собак. Последние лаяли захлеб.

Уже на узкой дороге, которая вела к части, Батяня заметил впереди военную машину, хлебовозку «ГАЗ-54». Солдат, сидевший за рулем, глянув в зеркало заднего вида и узнав машину Батяни, уступил дорогу. Но как только он заметил вдалеке машины ДПС со включенными маяками, снова вырулил на дорогу.

– Вот это молодец, какой догадливый, – похвалил Батяня.

И хоть хлебовоз потом все-таки вынужден был дать дорогу полицейским машинам, его действия помогли «Ладе Калине» окончательно оторваться от преследования и спокойно скрыться за воротами военной части.

Прошло добрых пять минут, прежде чем два «Мерседеса» ДПС, визжа тормозами, остановились перед железными воротами...

– Эй! Откройте! – Капитан дорожной полиции опустил стекло и зло крикнул на дежурного по КПП.

– Не имею права пропускать на территорию воинской части посторонние автомобили, – спокойно ответил конопатый рядовой.

– Хорошо, тогда я сам пройду, – полицейский открыл дверку.

– Извините, товарищ капитан, но посторонних я тоже не

имею право пропускать.

– Соедините меня с дежурным по части, – потребовал дэп-ээсник.

– Необходимо подождать. Дежурный сейчас на разводе.

– Тьфу ты, – сплюнул капитан и хлопнул дверью. – Поехали, – сказал он своему напарнику. – Мы еще сюда вернемся!

«Мерседесы» развернулись и поехали в поселок. По дороге им встретилась хлебовозка, которая медленно тащилась к воинской части.

– Запомни его номер. Я его прав лишу.

– За что, товарищ капитан, – поддержал солдата старлей, управлявший «Мерседесом».

– Чтобы поживее дорогу полицейским уступал.

– Ну, он же уступил.

– Да черт с ним. А тех орлов я все же достану! – кипел капитан. – Афанасий Иванович нас за это, я так думаю, с радостью отблагодарит.

Высоко в горах качался зеленый с серыми пятнами высотомер, похожий на металлический рукотворный месяц. Кружилась «лопоухая» радиолокационная станция защитного цвета. Словно огромные марионетки, они пошатались, покрутились, повертелись и застыли под россыпью звезд. Цель прощупали, опознали и пропустили. И снова потянулись бесконечные часы дежурства.

Часть ПВО «окружила» горную вершину. А офицерское жильё – три четырехэтажных блочных дома располагались на полкилометра ниже – там, где рос стройный сосновый лес. В принципе воздух в горном лесу был замечательный, можно сказать, целительный, поэтому офицерские жены не очень сетовали на то, куда занесла их служба. Они даже свои дома в шутку называли горным санаторием. Одно плохо – было им скучновато. Правда, сейчас офицерские жены и дети успешно осваивали Интернет, поэтому чувство оторванности от остального мира было у них не настолько острое, как еще несколько лет назад. Однако пользование Интернетом строго контролировалось как начальством части, так и полагающимся отделом.

По местному времени пошел уже двенадцатый час ночи, и в офицерском городке, если, конечно, три дома можно назвать городком, было темно. Горели всего два уличных фо-

наря.

По лестнице подъезда дома, стоявшего ближе к дороге, что серпантином обвила гору, поднимались двое военных. Лиц их не было видно, потому что ближайшая лампочка, освещающая лестничную клетку в подъезде, находилась на третьем этаже, напротив квартиры прапорщика Починкова. Правда, самого прапорщика дома не было, а вот его жена зорко следила за тем, чтобы у них на этаже свет все-таки горел.

Однако эти двое шли не к прапорщику Починкову. Уже на втором этаже они позвонили в металлическую черную дверь с цифрой «22».

– Кто там? – спросил приятный женский голос.

– Откройте. Особый отдел.

– Мужа нет дома.

– Мы не к мужу, а к вам, Евгения Анатольевна.

– Ко мне? – удивилась женщина. – А с чего это я понадобилась особистам?

– В ваших интересах и в интересах вашего мужа поехать с нами.

– Это куда? – занервничала хозяйка двадцать второй квартиры.

– Вам временно предоставляется другое жилье. Более комфортное. И прошу вас, не беспокойтесь.

Наконец женщина решилась приоткрыть дверь. Она оставила небольшую щель, которую удерживала крепкая сталь-

ная цепочка.

В свете прихожей квартиры показалась миловидная брюнетка. От глаз ночных визитеров не укрылось, что женщина была примерно на шестом или седьмом месяце беременности.

– Пожалуйста, вот наши документы. Можете позвонить дежурному – проверить. Он все подтвердит. Мы только что из Бишкека.

– Как дела в столице Киргизии? Или как теперь правильно, Кыргызстана... – попробовала пошутить брюнетка.

– Сейчас все тихо и спокойно, – улыбнулся один из ночных гостей.

Документы не вызвали у Евгении Анатольевны никаких подозрений. Кроме того, она очень мучилась от одиночества – муж давно уехал по своим профессиональным делам в город и не возвращался. По этому поводу в части ходили туманные пересуды, но когда женщина приходила разузнать что-то конкретное, так сказать, у «знающего» человека, тот мгновенно замолкал или ловко менял тему разговора. Мол, твой муженек на ответственном задании. Подожди. Скоро все сама узнаешь. В общем, скрывали от жены что-то серьезное, берегли – ведь она же беременная. Ее друзьями были книги. Телевизор с бесконечными говорящими головами она не любила – там было только три программы и только одна на русском языке. А Интернетом пользоваться она самостоятельно до сих пор не научилась. Впрочем, своего компью-

тера у нее дома не было, ходила в клуб, где политработник ей всегда помогал найти нужный сайт. Сейчас подыматься в гору, в часть, ей было тяжело, а к соседям проситься – значит навязываться. Евгения Анатольевна читала книги и смиренно ждала мужа. А он все не приезжал. Задание – вещь серьезная... И в принципе ночной визит ее не очень-то удивил. Чего-то подобного она уже ожидала.

– Господа офицеры, может, сначала чаю выпьете? – улыбнулась она. – Расскажите хоть, что в мире творится.

– Конечно-конечно, – улыбнулся один из ночных гостей, – с удовольствием.

Евгения Анатольевна открыла двери. Два офицера прошли в прихожую. И как только дверь за ними закрылась, один из них вдруг резко обернулся и зажал ей шершавыми ручищами рот. Его «товарищ» быстро достал заранее приготовленный шприц, умело нашел вену выше локтя и вколол порядочную порцию инъекции. Евгения Ивановна не успела ничего сделать. Она обмякла, но заботливые руки визитеров ее поддержали.

– Машину к подъезду, – проговорил в рацию один из «гостей».

Вскоре четыре человека на носилках вынесли жену майора Воскобойникова к карете «Скорой помощи». Аккуратно положили. Кое-кто из офицеров или их родных, кто еще не спал и слышал шаги в подъезде, прильнул к окну, но микроавтобус «Скорой помощи», который приехал к беременной

женщине, естественно, не вызвал ни у кого подозрений.

Тем более что санитары так бережно выносили Евгению Анатольевну и так нежно укладывали в автомобиль. На карете «Скорой помощи» вспыхнул синий маячок, и микроавтобус побежал вниз по серпантину, все быстрее и быстрее удаляясь от военной части.

В кабинете у полковника Дерюгина находились два посетителя – серьезные гости из полиции. Подполковник Шантолосов – с пухлым одрябшим лицом и такими же кругленькими ручками с пальцами-сосисочками. Именно эти «сосисочки» держали ноутбук. Второй полицейский был тощий, с крупными, как говорится, лошадиными, чертами лица – капитан Захадера – тот самый дэпээсник, который так неудачно гонялся за Василием и Батяней.

– Мы сейчас вам, товарищ полковник, все расскажем и, главное, все покажем. Это просто счастье, что у нас в машине оказался видеорегистратор, – вкрадчивым и очень неприятным голосом заговорил подполковник Шантолосов. – Вы подумайте только, вначале распитие спиртного. Ну это понять можно, мы же все люди... А затем драка, прямо на могилах! Пришлось туда вызвать наряд. Но эти ваши десантники – совсем не десантники, а форменные бандиты! Они избili порядочных людей, которые пришли на годовщину смерти своего глубокоуважаемого родственника, затем скрылись с места преступления. Нам пришлось задействовать машины ДПС. Вот, в частности, машину капитана Захадеры. А вы хотя бы знаете, сколько стоит задействовать машину ДПС? Сколько стоит топливо... Можно мне воспользоваться розеточкой?

– Пожалуйста, воспользуйтесь, – плохо скрывая неприязнь, произнес полковник Дерюгин. – А сколько стоит топливо, я в курсе. Самому отчитываться приходится.

Полицейский чин аккуратно поставил ноутбук на стол, раскрыл его. Ноутбук долго не загружался. Подполковник Шантолов пыхтел, будто этим можно было заполнить возникшую неловкую паузу.

– Вы на вирусы его проверяете? – чтобы хоть что-нибудь сказать, поинтересовался Дерюгин.

– Да проверяем. Он сам по себе такой тормоз, – встрял капитан Захадера.

Наконец зазвучал аккорд «Windows» и засветился экран. На пару секунд возникла заставка – грудастая женщина в полицейской форме с толстыми ляжками и пухлыми губами, сложенными в бабочку-поцелуй, залихватски держала в руке жезл. Вверху экрана – жирная, красная надпись, словно написанная ее помадой, – «Будь внимательным за рулем!»

На рабочем столе полицейского ноутбука уже был подготовлен файл, на который подполковник Шантолов навел курсор. Ударил два раза пальцем по клавише мышки.

В прыгающем кадре, появившимся на экране, виляла по ухабам синяя «Лада Калина». Звук был намеренно выключен, чтобы не были слышны переговоры дэпээсников, конечно же, обильно пересыпанные матерными словами.

«Лада Калина», не сбавляя скорости, лихо выскочила на шоссе перед самым носом у «КамАЗа»-бетономешалки.

– Вот видите, – многозначительно произнес подполковник Шантолосов.

– Что я должен видеть? – поднял брови хозяин кабинета.

– Нарушение, – встрял капитан Захадера.

– И что, мне теперь за такое вот нарушение наказывать боевого офицера? – холодным тоном спросил полковник Дерюгин.

– Они же пьяные за рулем! – не унимался дэпээсник.

– А вы проверяли?

– У нас есть свидетели.

– Свидетели – это не освидетельствование, – пресек некорректные обвинения в адрес своих товарищей полковник Дерюгин. – Вы вот лучше посмотрите, как выезжает на дорогу ваша же машина, капитан.

– Но мы ведь – ДПС! – Лицо Захадеры от негодования еще больше вытянулось.

– По-вашему, если вы – ДПС, то вам можно нарушать правила дорожного движения? – резонно нашелся комполка.

– Посмотрите лучше дальше, – вкрадчиво проговорил Шантолосов.

Видно было, как шоссе вошло в затяжной поворот, и видеорегистратор «поймал» в кадр обочину и все, что было дальше за обочиной. А там как раз происходил заезд цыганских джипов по полю.

– А это что у вас такое? – полюбопытствовал хозяин кабинета.

– Это уважаемые бизнесмены. И кстати, это они жалуются на то, что ваши подчиненные нанесли им физические оскорбления, даже, кажется, увечья, – пояснил подполковник Шантолосов.

– Справедливый гнев, так сказать, – добавил капитан Захадера.

– Порядочные бизнесмены так по полям не ездят и кулаками и различными предметами из окон автомобиля не машут. Может быть, вам следовало с этими бизнесменами поговорить для начала? – Этот разговор изрядно раздражал полковника Дерюгина.

– Мы с ними уже поговорили и еще поговорим. Не волнуйтесь. А вот посмотрите, как ваши лихачи въезжают в город, – подполковник Шантолосов указательным пальцем ткнул в монитор ноутбука.

На экране далеко впереди от машины ДПС маячила синяя «Лада Калина». Затем автомобиль десантников резко взял влево, вроде бы на встречную полосу, и на этом съемка прервалась.

– И что вы мне этим хотели показать? – искренне удивился полковник Дерюгин. – Кто-то взял чуть левее, чем положено, и все. Если никто не пострадал, как мне известно – ведь никто не пострадал, то значит, можно считать, инцидент исчерпанным.

– Нет, не торопитесь с выводами, товарищ полковник, инцидент отнюдь не исчерпан, – сложил руки полицейский чин

Шантоლოსов. – Согласно номерному знаку этот автомобиль принадлежит Андрею Лаврову, служащему в вашей воинской части. Кроме того, по показаниям свидетелей, а именно: товарища капитана полиции Александра Захадера, который сам лично присутствует в вашем кабинете, эта машина скрылась на территории вашей военной части.

– Это же преступники, а не офицеры! – не выдержал капитан Захадера. – Трем уважаемым бизнесменам поломали руки-ноги, одному теперь необходима дорогостоящая стоматологическая операция.

– Конечно, я с вами безусловно согласен, товарищи офицеры, – спокойным голосом начал полковник Дерюгин, – что ездить по нашим российским дорогам нужно по правилам, что испытывать на прочность зубы и кости наших граждан тоже никому не разрешено, однако я вам ничем помочь не могу, – комполка развел руками.

– Это почему же? – кипятился капитан Захадера, который чувствовал себя уязвленным: какой-то вояка на «Ладе» ушел от его новенького «Мерседеса»!

– Потому что Андрей Лавров не мог быть там, где, как вы считаете, он был. Прошу взглянуть, – полковник Дерюгин достал из ящичка стола папку, в которой был подписанный позапрошлым днем приказ о служебной командировке Андрея Лаврова на Кольский полуостров. – Этот офицер служит нашей Родине, так сказать, вдали от самой нашей Родины. А кто управлял его автомобилем или не его автомоби-

лем, это ваша головная боль. А если, что вполне правдоподобно, были украдены номерные знаки? Вот вы и разбирайтесь. А у меня своих забот невпроворот.

– А может быть, товарищ полковник, вы нам дадите осмотреть территорию вашей части – гаражи, автопарк? – снова своим излюбленным панибратско-доверительным тоном заговорил подполковник Шантолосов.

– А может, вы еще шифрограммы из Министерства обороны хотите посмотреть? – парировал полковник Дерюгин.

– Но ведь налицо – преступление! И все сходится! – не унимался капитан Захадера.

– Наверное, это был кто-то другой на такой же машине, как и у Лаврова.

– А как же видеорегистратор?

– Вероятно, это оптический обман, – полковник Дерюгин уже открыто издевался над полицейскими.

Он встал из-за стола, всем своим видом желая показать, что разговор окончен.

Полицейский чин Шантолосов сгреб своими ручками ноутбук, сквозь зубы процедил капитану полиции:

– Вставай. Уходим.

– До свидания, рад был поговорить, – искренне улыбнулся на прощание гостям полковник Дерюгин.

– Этот разговор мы еще продолжим, – со всей злостью, на какую был способен, пообещал Шантолосов.

8

Ранним утром следующего дня у полковника Дерюгина мелодично замурлыкал домашний телефон.

– На связи генерал-майор Гаврилов, – сообщил молодой телефонист с безукоризненной дикцией.

В трубке чуть слышно затрещало – переключился канал связи.

– Дерюгин, ты спишь?

– Никак нет. Уже собираюсь на службу.

– Хорошо. Ты Лаврова отправил на курорт? – спросил Гаврилов.

– Так точно.

– Когда?

– Сегодня ночью. Он вылетел charterным рейсом.

– Да-да... – с каким-то сожалением в голосе протянул генерал-майор. – Лучше б он отправился день или даже два дня назад.

– Я тоже так думаю, – поддержал начальника полковник.

– Тоже? Ты это о чем, Дерюгин? Плохие новости. Ты все еще услышишь. В общем, два – ноль не в нашу пользу. Смотри, чтобы у Лаврова был активный отдых, я бы даже сказал, очень активный. И чтобы никто – слышишь? – никто о его горящем туре даже не догадывался. Ты меня, надеюсь, понимаешь?

– Так точно, понимаю, товарищ генерал-майор, – отчеканил полковник Дерюгин, все же немного опешив от намеков и недосказанностей.

На самом деле Дерюгин не совсем понимал, почему у генерал-майора Гаврилова был такой напряженный тон – а вдруг о здешних подвигах Батяни уже осведомлено высокое начальство? Черт их знает, этих пронырливых цыган.

– Короче, пускай он приступает к активным действиям, и немедленно, – продолжал генерал-майор Гаврилов, – без проволочек!

– Есть, товарищ генерал-майор.

– И докладывай обо всем мне лично. Давай, Дерюгин, я на тебя и на Лаврова очень рассчитываю. Да, и еще – внимательно следи за сообщениями из Средней Азии.

Генерал-майор Гаврилов быстро положил трубку, так что полковник Дерюгин даже не успел проговорить дежурное – «слушаюсь».

* * *

В действительности активный отдых в прямом смысле этого слова полагается и летчикам гражданской авиации, и пилотам военных истребителей. За соблюдением этого правила в каждой конкретной авиакомпании или в военном авиаподразделении следят по-своему. Где-то строго, а где не так строго. Американские ВВС придают большое значение

психическому и физическому здоровью своих летчиков.

А к пилотам истребителей F-22 «Раптор» отношение в войсках совершенно особое. Как раз звено этих крылатых машин смерти в качестве испытания в условиях, приближенных к боевым, несло службу на американской военной базе в Средней Азии. Именно той, что недавно подверглась террористической атаке.

«Локхид / Боинг F-22 Раптор» пока что единственный истребитель пятого поколения, принятый на вооружение в какой-либо армии мира. Российский истребитель пятого поколения ПАК ФА (Перспективный авиационный комплекс фронтовой авиации) только «на подходе», его эксплуатация должна вот-вот начаться, предварительный план ввода крылатой машины в строй намечен на ближайшие год-два, и по всем характеристикам она превышает заокеанскую. Однако американцы очень кичатся своим сверхсовременным истребителем. Даже не продают его ближайшим союзникам. И вроде бы есть этому причины. В 2006 году проходили учения «Норден Эйдж», где «Рапторы» вели бои с истребителями четвертого поколения. И как утверждают американские военные, мол, всего 12 «Рапторов» за первую неделю учений условно сбили аж 144 самолета противника, при этом не потеряв ни одной своей машины!

Однако не так гладко обстоят дела в рядах «летающих динозавров». К ноябрю 2010 года в летных происшествиях было потеряно уже четыре истребителя. Причем пилоты двух

последних разбившихся F-22 погибли. Остается загадкой, почему пилот первого – опытный летчик-испытатель Дэвид Кули – не сделал даже попытку катапультироваться. А гибель второго пилота – Джэффри Хэни – произошла от неверного функционирования бортовой системы генерации кислорода. Джэффри Хэни начал внезапно испытывать ужасное удушье. И все равно ответственность за гибель самолета возложили на него

Самое невероятное, что и до сих пор в этих самолетах происходят подобные случаи – летчиков в маске внезапно охватывают приступы удушья. И никто не может точно установить – ни конструкторы, ни инженеры-ремонтники, от чего это происходит. Пилоты жалуются, говорят о невыносимом запахе пластмассы. Были случаи своеобразных забастовок – летчики наотрез отказывались совершать полеты на «Рапторах». Дошло до того, что суперсовременному истребителю по особому приказу командования ВВС США запрещено улетать далеко от баз, не оборудованных надежными взлетно-посадочными полосами – чтобы у пилота всегда имелась возможность совершить экстренную посадку. Кроме того, этим боевым машинам запрещено подниматься выше 7600 метров, хотя практический потолок – 20 000 м, чтобы при возникновении первых признаков удушья, как у Джэффри Хэни, пилот имел возможность снизиться хотя бы до 5400 метров, сорвать маску и подышать воздухом в кабине.

Да и вообще, «Локхид / Боинг F-22 Раптор» – самолет в

прямом смысле этого слова на вес золота. Грамм этого самолета равен рыночной стоимости грамма золота. Масса пустого самолета – 19 700 кг, фактически пилоты управляют двадцатитонным слитком золота высшей пробы! И конечно же, в армии к ним особое внимание, поэтому и условия им предоставляются особые.

* * *

На берегу живописного озера в шезлонгах возлежали и с наслаждением вдыхали свежий утренний воздух два пилота американских ВВС – Маркус Вилковски и Арчибальд Тэнниссон-младший. После утренней пробежки они решили немного перевести дух и теперь, щурясь, от майского азиатского солнца, наблюдали, как их боевой товарищ, умело меняя стили, плыл по озерной глади. На живописном камне, о который тихо билась чистая прибрежная волна, аккуратно – пятка к пятке, нос к носу – стояли кроссовки «Reebok» с «тракторной» подошвой, рядом с ними лежали сложенные вдвое шелковые спортивные трусы синего цвета, бело-красная футболка, звездно-полосатое полотенце, а на нем – черные плавки.

– Я не подозревал, что у нашего Себастиана склонность к нудизму, – сказал Арчибальд.

Он лениво покусывал травинку, наблюдая за широкими взмахами рук Себастиана, который в данный момент плыл в

сторону берега красивым баттерфляем.

– Плавать гольшом и нудизм – это разные вещи, – возразил Маркус. – Он же не носится перед тобой по берегу без трусов.

– Попробовал бы только, – Арчибальд неприятно сморщился. – Еще бы геи стали пилотами «Рапторов».

– Дружище, у тебя в башке все путается, нудисты, геи... Ты не с той ноги сегодня встал?

– Да какая разница. Кривляются друг перед другом, как бабы.

– А что, Арчи, разве ты не знаешь? Давно существует конкурс «мисс-пилот истребителя». В Израиле уже несколько лет бабы на F-16 летают.

– Женщины на истребителе? – Арчибальд Тэнниссон-младший выплюнул травинку. – Женщины – это все же лучше. Красивая баба небо украшает. А то, черт, будут там всякие извращенцы... – сморщился американец. – А вот эту мисс-пилот я бы сделал бы миссис-пилот, – громко загоготал он, – причем прямо во время полета.

– Арчи, я вижу, ты засиделся в этой глухомани, – хмыкнул Маркус.

– Да ничего же здесь нет. Ни баров, ни красоток. Одна только в кишлаке. И та пугливая, как дикая коза.

– Ну да, из развлечений – один бег трусцой. Плавай, загорай, – согласился с приятелем Маркус.

В это время Себастиан вышел из воды, быстро обтерся

полотенцем, натянул плавки, надел спортивную форму.

– Эй, вы не передумали? Вода просто супер! Еще вчера была намного холоднее! – крикнул он с берега.

Товарищи по оружию ему ничего не ответили.

– В воде – словно сам в небе паришь! – продолжал Себастиан, уже направляясь к шезлонгам. – Всей кожей это ощущаешь.

Он держал кроссовки в руке и шел, оставляя за собой на пляже мокрые следы.

– В небе ты не паришь, – назидательным тоном произнес Арчибальд, – а управляешь боевой машиной. И ты вовсе не голый и не босой, на тебе костюм, вокруг приборы.

– И шлем с автоматическим наведением. Киборги мы, – добавил Маркус, – стреляем, как в компьютер играем.

– Только вот перегрузки и нехватка кислорода настоящие, – улыбнулся Себастиан.

– Ага, из-за этих перегрузок мы скоро будем на свалке загорать, – зло проговорил Арчибальд. – Ты читал требования к самолетам шестого поколения?

– Ну? – буркнул в ответ Себастиан.

– Полностью исключить «человеческий фактор». А это значит, что какой-то головастик с очками на прыщавом носу будет сидеть у себя в офисе за компом или айфоном, играть в воздушный бой и при этом бомбить настоящих террористов.

– А вы видели, сколько горилл нагнали? – решил перевести тему Себастиан. – На том берегу – за каждым кустом.

– Усиленные меры безопасности. На базе вообще полновояк. На аэродроме чихнуть боишься – не то подумают, что бомба взорвалась, – сказал Арчибальд, поднимаясь с шезлонга. – Все проверяют и перепроверяют. Даже в штаны не стесняются залезть.

– О'кей, нас же надо охранять. Пошли – подкрепимся, – предложил Маркус и тоже поднялся со своего шезлонга.

– В кафе? – спросил Арчибальд.

– В чайхану, как говорят местные, – поправил его Себастиан.

Трое американских летчиков-истребителей отправились к круглой, словно огромная бетонная бескозырка, кафешке, вплотную прижатой к шестиэтажному зданию.

Это был гостиничный комплекс, где когда-то отдыхали партийные работники из республик Средней Азии, конечно же, руководители не младшего звена. Теперь американцы взяли его в аренду, модернизовали, сделали более фешенебельным и пригодным для нужд собственной армии. На крыше оборудовали вертолетную площадку, где могли уместиться два вертолета. А по бокам, словно огромные уши, приделали спутниковые антенны. Подвели скоростное шоссе, построили удобный паркинг. Перед пляжем устроили великолепный спортивный городок с баскетбольной площадкой, теннисными кортами, турниками, спортивными тренажерами, соорудили открытый бассейн и заполнили его бирюзовой водой...

Главным образом здесь отдыхали, а вернее, боролись с усталостью и переутомлением, военные летчики. Американцев привлекло выгодное географическое расположение гостиничного комплекса – всего десяток километров на север от военной базы с аэродромом. Полупустыня на невысокой возвышенности переходила в лесополосу, в которой «пряталось» чистое озеро. Место было очень живописное и удобное. Американцы не поскупились, и теперешнему владельцу гостиницы – сыну бывшего председателя районного комитета коммунистической партии – несказанно повезло. В какой-то мере повезло и обслуживающему персоналу гостиничного комплекса. Садовники, горничные, повара, официанты, охранники, отобранные из граждан республик Средней Азии, хорошо владеющих английским языком, получали зарплату в долларах, и была она намного выше, чем в их родных странах. Хотя они все были в какой-то степени «прозрачными» людьми, американцы их просто не замечали: персонал должен был обслуживать военных тихо, быстро, качественно и незаметно, да еще с довольной улыбкой.

Арчибальд, Маркус и Себастиан неспешно шли к чайхане по посыпанной желтым песочком тропинке. Справа, метрах в тридцати, открылись ворота КПП, и в них тихонько вкатился грузовичок «Газель» с закрытой будкой-холодильником, на которой было написано по-киргизски «Продуктылар» и по-английски «Food».

Картина была обыденная – такие грузовички каждое утро

привозили свежие продукты в чайхану. Если машине разрешили въехать на территорию гостиничного комплекса, значит, дежурный по КПП – солдат местных вооруженных сил и постовой-американец – ничего подозрительного не заметили.

Три коллеги, три американских пилота истребителей пятого поколения уже поднимались по ступенькам к дверям чайханы, как их внимание вдруг привлек крик.

– Туруу! Стоять! – Из помещения КПП выскочил солдат-киргиз невысокого роста. – Еще один вопрос! – крикнул он на своем языке людям, сидящим в кабине «Газели».

Солдат был молодой, он недавно поступил на эту хорошо оплачиваемую службу, поэтому старался изо всех сил показать себя перед своим и американским начальством активным...

Несколько минут назад он внимательно проверил документы водителя и экспедитора. Все бумаги и удостоверения были вроде бы в полном порядке, где надо – стояли подписи и печати, совпадали фотографии. Водитель был разговорчив, а экспедитор – угрюм и нелюдим, все время отсиживался в кабине, предоставив все делать своему коллеге.

Солдат-киргиз и американский пехотинец осмотрели груз и сам грузовик – замороженные цыплята грудой до самого потолка лежали, присыпанные крошкой льда.

– Вы напарник Ниязакуна? – спросил на своем языке солдат-киргиз у водителя.

– Да. Он попросил его сегодня подменить, – водитель – молодой человек со среднеазиатской внешностью – ответил на чистом киргизском, спокойно, без волнения и нервозности. У него при разговоре чуть приподнималась правая бровь, что придавало нелепо-простецкое выражение лицу. – Вы же знаете, что у него жена рождает.

Это была правда, дежурный по КПП помнил, как совсем недавно водитель Ниязакун хвастался, что наконец-то у него после трех дочерей будет мальчик. Обещал даже показать фотографию младенца, как только тот появится на свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.